

Иван Чарота
(Минск, Беларусь)

О РЕАЛЬНО ЗНАЧИМОМ И ОПТИМАЛЬНОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ВНЕ РОССИИ (На основе опыта Беларуси)

*Т*ак или иначе, никто из нас не смеет игнорировать право народов бывшего Советского Союза и «социалистического лагеря» на самоопределение. Соответственно, мы должны со всей доброжелательностью наблюдать, как такое право они реализуют в новых геополитических условиях. Но при этом все же невозможно оставаться безразличными к тому, насколько осуществляющееся переустройство мира способствует утверждению мультикультурности в истинном и полном смысле, то есть обеспечению

реального равенства для всех языков и культур названных народов. А очень многое из «данного нам в ощущениях» за последнее время вызывает, мягко говоря, неоднозначные реакции — в любом случае, вынуждает серьезно задуматься.

Если же быть объективно критичными, то нельзя не признать, что глобализационные процессы для культур бывших народов СССР уже чреваты периферизацией, а в перспективе легко могут привести к маргинализации.

Конечно, сейчас далеко не все одинаково оценивают процессы «культурного строительства» при социализме. Тем не менее стоит все-таки вспомнить о том бесспорно положительном, что у нас имелось. И ваш слуга покорный берется это оценивать на основании личного опыта как член Союза писателей СССР, а впоследствии — Союзов писателей

Беларуси, России и Сербии, около четырех десятков лет непосредственно участвующий в конкретных делах по укреплению взаимосвязей литератур и культур. Во-первых, как бы то ни было, тогда все-таки на самом деле сложилась общность «советская многонациональная литература», стимулировавшая развитие составляющих ее литератур национальных (более семидесяти); во-вторых, практически все эти литературы были действительно включены в еще более масштабный контекст «литератур социалистического содружества»; в-третьих, лучшие образцы словесности больших и меньших (численно) народов СССР благодаря русской литературе-«кормилице» получили возможность утвердиться и в мировом контексте. Причем все это осуществлялось, как известно, *с помощью переводов именно на русский язык*, которые не просто выполняли посредническую роль, а предопределяли степень распространения и признания литератур советских республик. Хотим мы или не хотим, но нельзя не учитывать, что на русском языке произведения представителей советской многонациональной литературы тогда регулярно публиковались в специально для этого созданном журнале «Дружба народов», а также в ряде центральных издательств — немислимыми для нынешнего времени тиражами и во вполне презентативном оформлении, а распространялись благодаря активно действующим как в границах СССР, так и за его пределами сетям книоторга и межбиблиотечного обмена. Помимо прочего, кстати, в то время ни у авторов, ни у переводчиков не было серьезных оснований обижаться и на размеры гонораров.

А что имеется после того, как упомянутая система действовать перестала? Избегая отвлеченных обобщений, обратимся опять же к опыту Беларуси. Так вот: для белорусской литературы это сразу же повлекло за собой весьма заметное ограничение выхода на «международную арену», поскольку — еще раз подчеркнем и конкретизируем это — в советскую эпоху произведения писателей-белорусов за рубежом переводились, как правило, *с русскоязычных «межоригиналов»* (переводы непосредственно с белорусского языка составляли не более 5%). И когда вдруг эти самые «межоригиналы» перестали появляться, то цепь, связующая с «дальним зарубежьем», исчезла. Переводчиков же непосредственно с «первооригиналов» и соответствующего профиля пропагандистов-белорусистов за рубежом и прежде было мало, и за послеперестроечный период больше не стало. Да и в обозримом будущем положение вряд ли изменится по причине отсутствия существенных стимулов — престижа специализации собственно белоруси-

стов (по сравнению хотя бы с русистами), гарантий стабильной занятости, финансовой поддержки этого рода занятий со стороны государства как представляемого (то есть белорусского), так и своего (американского, британского, германского и др.).

Для уточнения приведем данные, не нуждающиеся в комментариях. На протяжении 1970–1980-х годов в России (прежде всего в Москве) ежегодно издавалось около 40–50 книг белорусских авторов, а за 1990-е – всего 4, к тому же весьма скудными тиражами. Одновременно за последнее десятилетие XX века практически к нулю сведены издания произведений писателей Беларуси в странах Закавказья, Средней Азии, да и в соседних Литве, Латвии, Польше... И в Украине за указанный период вышло только 3 книги. Если кое-что в этом плане все-таки делалось, то, подчеркнем, происходило это еще по инерции механизмов, задействованных прежней системой, тогда как положение дел в новой ситуации объясняется стереотипно и безапелляционно: в действие вступили законы рынка – жесткие, однако в целом справедливые, а все остальное, дескать, следует отбросить как обусловленное сантиментами. Мало смысла походя оценивать, насколько это объяснение-оправдание разумно в принципе, заметим, что для литераторов, которые чтут высокие идеалы и не утратили представлений о писательстве как особо важной гражданской миссии, сложившаяся ситуация оказалась если не полностью тупиковой, то чрезвычайно сложной. И многие белорусские писатели, что примечательно, выход из него ищут, сами себя переводя на русский язык...

Автоперевод, кстати, в советскую эпоху тоже имел место. Однако сейчас он явление особое и по мотивации, и по масштабу. Как бы то ни было, а русскоязычная литература, в сопряжении с собственно русской, по многим объективным причинам имела, имеет и будет иметь совсем иные возможности для включения в более широкие контексты. Соответственно, русский язык не только прежде способствовал, но и далее может способствовать интеграции культурного пространства народов бывшего СССР, а также, что не менее важно, утверждению национальных литератур в мировом контексте. И если вести речь об интересах России, по большому счету, нельзя этого не учитывать.

Известно, Россия велика, потенциально мощна и самодостаточна. Однако никак нельзя признать обоснованными суждения, которые доводится слышать: мол, русский язык сам по себе восстановит свой статус... В этом плане стоит хотя бы изначально учитывать закрепляющиеся различия геополитических зон предполагаемого/возможного его функционирования: СНГ – это одно, постсоветское пространство

в целом — уже другое, постсоциалистическое — еще иное, а весь изменяющийся мир — тем более. Опирайтесь все-таки надо на трезвые оценки реальности; а в таком случае невозможно не признать, что на всех уровнях статус русского языка падает катастрофически прежде всего как средства общения. Кстати, он перестает быть и языком межкультурного общения — увы, и в славянских странах к нему усугубляется отчуждение, и даже славистические общества стран бывшего СССР в функции официального языка стали использовать чаще английский, нежели русский. Для русских русский язык традиционно был не только значимым средством просвещения, образования, развития науки, культуры. Чем дальше, тем больше чувствуется необходимость расширения функций русского языка в мировой интернет-системе, охватившей все упомянутые сферы, в которых его значимость существенно падает, оставляя все меньше шансов на возврат к прежнему уровню, не говоря уже о повышении такового.

Вряд ли можно считать вселяющими оптимизм факты, к которым привлекают внимание СМИ: вот, мол, русский язык введен как учебный предмет в колледжи (профтехучилища) балтийских стран. Чтобы дать этому правильную оценку, стоит разобраться, чего ради это делается. И вывод оказывается малоутешительным: дело-то касается его использования как языка сервиса для русскоязычных туристов с определенной платежеспособностью, не более того.

Особо важный аспект обсуждаемого вопроса — как хотя бы удержать, если нет пока возможностей укрепить, русский язык в качестве средства формирования и распространения русской культуры на пространстве бывших советских республик. А там даже сохранение веками складывавшихся пластов ее становится все очевиднее проблематичным. Хотя бы потому, что в постсоветских странах ныне уже дееспособно, а вскоре встанет к штурвалам власти поколение, родившееся после «перестройки» СССР и мира, то есть после кардинально изменившегося положения русского языка и, соответственно, русской культуры. В связи с этим, как мне представляется, малоубедителен прогноз досточтимого коллеги С. Золяна относительно незаменимости русского языка именно в культурной сфере. Особенно если учесть следующее: собственно культура все более оттесняется тем, правильное название чего невозможно без дополнительных определений «масс-», «эрзац-», «пара-», «суб-» и что, в свою очередь, весьма специфически влияет на сознание, языковое и культурное прежде всего. Чтобы не быть голословными, в качестве конкретных примеров возьмем ряд закрепившихся и ставших вроде бы даже незаменимыми в последнее

время понятий: киллер, рэкетир, путана, интим-сервис, секс-бизнес, экстрасенс, хакер, спикер, рокер, дилер, брокер, менеджер, триллер, ваучер, имидж, электорат... Подмененные ими слова русского языка несут выразительные нравственно-этические определения, а также, если хотите, юридические квалификации, в частности: «убийца-душегуб, вор-разбойник», «распутница — шлюха — б...», «разврат-бардак» и т.д., тогда как при употреблении иноязычных «заменителей», да еще под мощным влиянием «эмансипированных» средств массовой информации эти слова воспринимаются не иначе как названия прибыльных и романтических профессий. Без языка, представляющего собой фонд духовного и нравственного опыта народа, сразу же утрачивается нравственный иммунитет, проявляется иммунодефицит, начинает действовать культурно-духовный СПИД. К тому же нельзя не учитывать, что названные заимствованные слова и именно так закрепившиеся понятия оказываются в обиходе народов бывших советских республик не без участия российских СМИ, а соответственно, и русского языка. Хотя это отдельная, весьма непростая, проблема.

Проецируя все затронутые вопросы на ситуацию Беларуси, можно констатировать, что у нас, по сравнению с остальными бывшими советскими республиками, они большей остроты не имели изначально, а те коллизии, которые возникали, разрешались до сих пор мирно.

В Республике Беларусь исторически сложилось русско-белорусское двуязычие. И по результатам референдума 14 мая 1995 года эта объективная реальность закреплена законодательно.

Каково положение русского и белорусского языков в настоящее время? Отметим некоторые — на наш взгляд, показательные — моменты. Русский язык повсеместно преобладает во всех сферах жизни городского населения, хотя белорусские диалекты сохранились в деревнях, а литературный белорусский язык используется обычно гуманитарной и творческой интеллигенцией. Белорусскоязычных школ по числу значительно больше, нежели русскоязычных, однако по численности учащихся — наоборот, так как опять же проявляется соотношение «город — деревня» [1, с. 168, 170]. Острых проблем с учебниками на обоих языках нет. Оба языка равноправны также при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения как «сдаваемый предмет». Вступительные экзамены абитуриенты имеют право сдавать и на русском, и на белорусском, хотя преподавание в вузах ведется на русском языке, за исключением филологических специальностей. При этом, как правило, наборы на русистику не меньше, чем на белорусистику. Государство постоянно осуществляет финансирование, причем

существенное, публикаций прежде всего белорусскоязычной литературы и периодики, но русскоязычные периодические издания тоже получают поддержку. Общее представление об этом, пожалуй, дадут следующие цифры, представленные министерством информации и печати Беларуси: «Примерно 30 % газет – чисто белорусскоязычные, около 15 % – на русском и белорусском языках, остальные – русскоязычные» [2, с. 4]; «В 2006 году во всем объеме выпуска литературы книги на белорусском языке занимают 7,1 процента, 6,7 процента – книги на иных языках, а вся остальная часть (86,1 процента) – книги на русском языке... На русском языке в Беларуси выходит 501 журнал, 131 – на белорусском и 16 изданий на других языках» [3, с. 4].

Правды ради следует отметить, что на республиканских радио и телевидении двуязычие проявляется не совсем так, как бы следовало с позиций равноправия, а тем более уважения к «титulyному языку»: русскоязычные программы явно преобладают, что, естественно, является фактором, вызывающим определенные коллизии, в любом случае – раздражительным для значительной части национальной интеллигенции, которая считает, что это результат окончательной русификации вследствие узаконенного двуязычия.

Однако языковая ситуация в Беларуси реально осложняется факторами иного плана. А именно: наряду с исторически вызванным двуязычием внешним, которое мы обсуждали, в так называемый перестроечный период у нас появилось обусловленное актуальной политикой многоязычие внутреннее, порожденное установкой: «белорусский язык должен быть не таким, как русский». В соответствии с этим определенными силами предпринимались попытки азбуку кириллическую заменить латинской – кстати, употреблявшейся частично в начале XX века, некоторые издатели книг и периодики стали игнорировать «наркомовскую» кодификацию языка, в том числе и современную академическую грамматику. С особой парадоксальностью это отразилось на орфографии, когда изначальный принцип «как слышишь, так пишешь» (то есть фонетический) оказался замененным на совершенно иной: «как хочешь, так пишешь» (то есть анархический). В итоге получилось несколько версий белорусского языка, что уже само по себе стало отвращать от его изучения школьников, студентов и т. д. Не улучшила такую ситуацию и осуществленная год назад реформа орфографии, так как разночтения с нормами в существующем фонде книг, включая хрестоматийный, все равно свидетельствуют о зыбкости не только норм правописания, но и нормативных основ языка в целом.

Так что и в Беларуси не все так просто, как может со стороны казаться.

Но вернемся к основному вопросу, вынесенному на обсуждение: что нужно для того, чтобы в странах СНГ и Балтии статус русского языка стал оптимальным, соответственно — чтобы закрепился и укрепился ареал русской культуры? С одной стороны, отвечать на него просто: нужна прежде всего забота властей России об этом; а это зависит от будущего статуса России в мире.

С другой стороны, мы, конечно же, понимаем и свою ответственность за происходящее: как-никак, это при нас возникло много преград и появляются все новые (одолеем ли их?); на наших глазах шло и продолжается разрушение прежней общности и ослабление роли языка, эту общность скреплявшего (остановим ли?). Соответственно, это зависит от наших совместных усилий.

Список литературы

1. Головки Ж. С. Современное языковое строительство в Восточной Славии. Харьков, 2010.
2. Літаратура і мастацтва. 2003. 31 янв.
3. Літаратура і мастацтва. 2007. 10 авг.